ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА,

или

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ.

Невскій проспектъ, отъ Дворцовой площади и до Невскаго Монастыря — это не только цѣлый городъ, цѣлая столица, это цѣлый міръ; міръ вещественный и міръ духовный; міръ событій, столкновеній, случайностей, міръ хитрой и сложной расчетливости, тонкихъ происковъ, продувнаго пустозвона и грубыхъ обмановъ; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской подмостъ фиглярства; кладезь замысловатости и битая мостовая пошлости; картинная галлерея скромной модности и позорище модной скромности; выставка щегольства, роскоши и вкуса — базаръ чванства и суетности, толкучій рынокъ

многихъ, если не всѣхъ, слабостей и глупостей людскихъ; опорная точка, основанiе дѣйствiй и цѣлой жизни одного человѣка — поворотный кругъ и солнце–стоянiе другаго; это ратное поприще и укромная келiя — бѣгъ въ запуски на безпредѣльное пространство и тѣсный кругъ коловращенiя вкругъ наемнаго очага. Разгульная пѣснь лихаго тунеядца сливается здѣсь съ тихимъ вздохомъ труда и стономъ нужды; служба, и военная и гражданская и, словомъ, всякая, мелькаетъ вправо и влѣво, впереди и назади, и тутъ же снуютъ туда и сюда самыя неслужебныя лица, озабоченныя своими и чужими расчетами, нуждой и горемъ — прохаживаются чванно самодовольныя, самонадѣянныя, упитанныя и умащенныя куколки; а между ними и между службой, скользятъ и ватаги вольницы и тунеядцевъ; вертлявый живчикъ пляшетъ рядомъ съ неповоротливой тромбовкой; сущiй подобень, снимокъ съ модной картинки, обгоняетъ сальнаго пирожника, подмастерья въ пестрядиномъ халатѣ

голландскаго шхипера въ байковой рубахѣ. А загляните въ жилье — въ подвалы, этажи и чердаки — тутъ въ одно и тоже время и крестятъ и отпѣваютъ, и сватаютъ и вѣнчаютъ, и хоронятъ и рожаютъ; и нѣтъ нужды, нѣтъ потребности, которой бы нельзя удовлетворить по безконечной площади этой, отъ Зимняго дворца, до Невскаго монастыря; тутъ все, вся лѣствица зданій, званій, чиновъ, возрастовъ и половъ. Другой описалъ уже населеніе Невскаго проспекта по днямъ и часамъ, по суточнымъ перемѣнамъ; вы видѣли, что по Невскому движется цѣлый міръ, сбываетъ и прибываетъ поперемѣнно круглыя сутки; но міръ этотъ образуется и составляется изъ сложностей всѣхъ чиновъ и званій, изъ совокупности нѣсколькихъ тысячъ людей, коихъ судьба сводитъ день за день изо всѣхъ концевъ столицы и цѣлаго царства; это не тотъ міръ, о которомъ я хочу говорить; дайте мнѣ разсказать вамъ, какимъ образомъ для одного частнаго человѣка весь міръ ограничивался собственно стѣнами Невскаго проспекта, и

какъ самое даже воображеніе этого лица, въ разгульныя мановенія, не летало далѣе Елагина, Каменнаго и Крестовскаго. Каждое изъ лицъ, составляющихъ собою міръ совокупностей на Невскомъ, служитъ міру этому часъ, а много два, въ сутки; остальное время лицедѣи наши проводятъ во всѣхъ концахъ столицы, продолжаютъ комедію или трагедію свою въ Садовой, Гороховой, Литейной, а иной пожалуй даже на Острову или на Пескахъ; но нашъ герой не сбивался во весь свой вѣкъ со столбоваго пути Невскаго проспекта, и былъ и жилъ тутъ весь свой вѣкъ, тутъ онъ началъ жизнь, тутъ и кончилъ; и даже самая развалина этой первой въ мірѣ улицы, за Каретнымъ рядомъ, не соблазнила его, какъ мы впослѣдствіи увидимъ; онъ покинулъ Мытненскую въ лѣвой рукѣ и пошелъ на право, къ Невскому, не призадумавшись ни на минуту.

И такъ, лѣтъ тому будетъ съ 50, въ одномъ изъ крайнихъ деревянныхъ домиковъ къ Невскому монастырю, жилъ

Нѣмецъ, булочникъ. Его звали, разумѣется, Иваномъ Ивановичемъ, какъ уже и въ то время звали всѣхъ Нѣмцевъ — булочниковъ и колбасниковъ; Иваны Адамовичи были, какъ извѣстно, воспитатели, учители; Карлы Ивановичи или Иваны Карловичи доктора, и Нѣмцы служащіе; а имена: Адольфъ, Августъ, Густавъ и другія, болѣе замысловатыя, составляли собственность Нѣмцевъ — художниковъ и музыкантовъ. Иванъ Ивановичъ былъ также художникъ въ своемъ ремеслѣ; но, какъ человѣкъ весьма скромный и незаносчивый, довольствовался именемъ и отчествомъ Ивана. Была у него жена Анна Ивановна, и болѣе не было никого: дѣтей Богъ не далъ. Иванъ Ивановичъ нажилъ уже подъ Невскимъ порядочное въ быту его состояніе, часто тужилъ и скучалъ за наслѣдникомъ, но все ложился и вставалъ бездѣтенъ; пекъ сухари, крендельки и булочки, мѣнялъ на себѣ верхнее бѣлье, колпакъ и передникъ, по три раза въ недѣлю, въ урочные дни и часы сдавалъ все это опять счетомъ Аннѣ Ивановнѣ, и

указывалъ только пальцемъ на то мѣсто, которое требовало починки; Анна Ивановна чинила, штопала, мыла, катала, гладила — сухари и булочки продавались успѣшно, а чета наша все жила въ одиночествѣ, ребятишекъ Богъ не давалъ.

Подслушалъ ли кто желаніе Ивана Ивановича и Анны Ивановны, или просто своимъ умомъ догадался, что зажиточному бездѣтному булочнику можно поднести при случаѣ гостинецъ — не знаю; но тутъ случилось вотъ что: въ темный осенній вечеръ, когда Анна Ивановна давно уже закрыла ставни и собиралась подать на столъ картофель и молочный супъ, (а у нея была своя корова) — кто–то постучался довольно сильно у того окна, гдѣ была деревянная форточка, вмѣсто нынѣшнихъ жестяныхъ, и сказалъ, на вопросъ старика: что нужно: «Иванъ Ивановичъ, выдь на минуту, выдь скорѣй пожалуйста, письмо къ тебѣ есть, нужное дѣло.» Иванъ Ивановичъ положилъ бѣлую глиняную трубочку свою бережно на карнизъ печки, накинулъ не торопясь стеганый халатъ,

отворилъ осторожно двери, между тѣмъ какъ Анна Ивановна, не много встревоженная, ему свѣтила; вышедъ на крыльцо, онъ спросилъ: «Ну, какой письмо, что нужно?» Все было тихо, никто не отвѣчалъ ни слова. Иванъ Ивановичъ оглядывался кругомъ, готовился уже вымолвить прескверную Русскую брань, которую перенялъ со свойственною иностранцамъ легкостію у нашего народа; но какъ онъ дѣлалъ все вообще не торопясь, то и хотѣлъ сперва осмотрѣться хорошенько въ потьмахъ, сталъ спускаться со знакомаго ему крыльца, вытаращивъ глаза прямо на улицу — спотыкнулся и чуть не отмѣрялъ по мостовой косую сажень. Изъ подъ ногъ его какой–то свертокъ покатился по пяти или шести ступенямъ, и въ тоже время раздался изъ него жалобный крикъ котенка. Въ женскомъ сердцѣ Анны Ивановны отозвалось какое–то неизвѣстное намъ, мущинамъ, чувство; она поставила свѣчку торопливо на полъ, и кинулась къ котенку. Иванъ Ивановичъ также сошелъ съ крыльца, не торопясь, и съ удивленіемъ

оглядывался въ потьмахъ, между тѣмъ какъ свѣтъ отъ свѣчи въ сѣняхъ освѣщалъ великолѣпно цвѣтный халатъ его и бѣлый какъ снѣгъ колпакъ. Что же это значитъ? спросилъ онъ нагнувшись къ находкѣ своей, надъ которой хлопотала Анна Ивановна: котенокъ оказался ребенкомъ, новорожденнымъ мальчикомъ. Его внесли въ покои — и съ нимъ явилась у Анны Ивановны бездна хлопотъ и заботъ. Богъ послалъ, говорила Анна Ивановна; надобно за нимъ ходить какъ за своимъ.

Ребенокъ былъ завернутъ въ поношеное женское платье и укутанъ сверху Русскимъ бѣлымъ утиральникомъ; во рту соска, на шеѣ мѣдный тѣльникъ, а въ утиральникѣ нашлася записка, писанная какимъ–то полууставомъ: «просимъ принять сего младенца, нареченнаго Гомеромъ, который очень хорошева роду!»

Этотъ Гомеръ хорошаго роду долго былъ загадкой для добраго булочника, не гораздаго на Русскую грамоту; нечеткая записка заставляла подозрѣвать, что тутъ кроется какое нибудь недоумѣніе, и только

недѣль шесть спустя, нашелся отставной сенатскій писецъ, голова дѣловая, который смогъ вывести Ивана Ивановича и всѣхъ друзей, пріятелей и свойственниковъ его изъ отчаяннаго положенія называть крещенаго человѣка неизвѣстнымъ во всемъ христіанскомъ мірѣ именемъ Гомера, и дать мальчишкѣ подлинное имя его. Все дѣло заключалось въ томъ, что въ запискѣ написано было не *Гомеромъ*, а *Іосифомъ*; хотя, правду сказать, мудрено было разгадать полуграмотную скоропись, и сенатскій писецъ видно не даромъ слылъ мастеромъ своего дѣла.

Какъ бывало всякій нежданный и необычайный случай, такъ и этотъ навелъ на Ивана Ивановича какую–то робость; онъ не зналъ, недоумѣвалъ, къ добру ли это, къ худу ли, ухаживалъ по немногу весь вечеръ около найденыша и какъ будто былъ доволенъ по неволѣ; онъ видѣлъ необходимость принять младенца, воображалъ, что наконецъ сдѣлался отцомъ, можетъ воспитать, образовать ребенка, радоваться дѣтскими забавами и

успѣхами его; но въ тоже время перечила всему этому мысль, что это чужой, какой–то подкидышъ, что за нимъ будетъ много заботъ и безпокойства, да и Богъ вѣсть что изъ него выйдетъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ утѣшился тѣмъ, что если изъ ребенка выйдетъ негодяй, то по крайней мѣрѣ онъ не сынъ его, не родной. Анна Ивановна не думала ни о чемъ, а хлопотала около младенца, доставала изъ обитаго бронзой комода старое бѣлье и собиралась тотчасъ же кроить изъ него пеленки. «Изъ поношеннаго лучше,» говорила она мужу, который задумался и ничего не слышалъ; «изъ поношенаго лучше, это помягче, не такъ сурово, какъ новое.»

Такимъ образомъ герой нашъ увидѣлъ свѣтъ, или по крайней мѣрѣ явился на свѣтѣ, въ самомъ концѣ Невскаго проспекта, и сверхъ того на правой, плебейской сторонѣ его; съ этой минуты начинается прогулка этого человѣка по одной и той же улицѣ, и много суждено было ему еще испытать до переходу на лѣвую, аристократическую сторону

проспекта, по которой происходило обратное низшествіе его до самаго Невскаго кладбища.

Первый поводъ къ восхожденію было то, что названые родители Іосифа стали подвигаться по немногу все выше и выше по Невскому проспекту, по мѣрѣ того, какъ состояніе ихъ улучшалось. Перемѣнивъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раза три квартиру, Иванъ Ивановичъ пекъ булочки и сухари уже на углу Владимірской, когда мальчику минуло восемь лѣтъ. Тутъ происходило важное разсужденіе и совѣщаніе о тѣлесномъ и духовномъ благѣ его, и окончилось во–первыхъ, удостовѣреніемъ доктора, что Оська дѣйствительно и точно долженъ состоять въ близкомъ свойствѣ съ Африканскимъ сирѣчь одногорбымъ верблюдомъ, съ верблюдомъ объ одной холкѣ, собственно такъ называемомъ наромъ или дромадеромъ; во–вторыхъ, что ему грамотѣ учиться необходимо, но въ школы Аннинскую или Петропавловскую ходить далеко, а потому и должно принять

предложеніе отставнаго сенатскаго писца Косолапова и отдать ему Оську въ науку, съ платою по одному гривенному ситнику и по десятку сухарей (большой руки) на день, и съ поднесеніемъ ему, Косолапову, въ Пасху по одному куличу, а къ именинамъ его (въ день Андрея Первозваннаго) по одному трехчетвертному кренделю. Вѣсъ и мѣра кулича предоставлялась великодушію подносителей.

И такъ Оська выдался горбунчикомъ; мнѣнія о причинѣ такого тѣлеснаго недостатка, или правильнѣе избытка, были неодинаковы. Анна Ивановна полагала, что грѣхъ лежитъ на совѣсти Ивана Ивановича, который пощупалъ неосторожно ногою подкинутый на крыльцо толчекъ или свертокъ, и такъ сказать свернулъ питомцу своему шею при первомъ съ нимъ свиданіи. Иванъ Ивановичъ не соглашался, но не умѣлъ основательно опровергнуть такой поклепъ и прибѣгалъ всегда къ защитѣ доктора, который обвинялъ одно только золотушное расположеніе мальчика и

знатное, по всей вѣроятности, происхожденіе его. Съ этимъ Иванъ Ивановичъ охотно соглашался и показывалъ всѣмъ записку, бывшую при найденышѣ; не умѣя самъ прочитать ее, просилъ онъ другихъ читать вслухъ, и переводилъ ее по Нѣмецки, объясняя, что «очень хорошева роду» значитъ: auſ einer ſehr guten Familie; дѣло сбыточное и вѣроятное; горбъ, это привѣсокъ или недовѣсокъ къ головѣ, къ мозгу; и если не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мозгъ необходимъ даже и для людей изъ очень хорошей фамиліи, то нельзя удивляться и тому, что мозгъ этотъ, по тѣснотѣ въ головѣ ихъ или по случайному наполненію ея чѣмъ–либо инымъ, привѣшивается въ видѣ отдѣльной ноши. Докторъ не совсѣмъ соглашался на подобныя выводы и заключенія земляка своего и друга; но какъ пиво и табакъ были у Ивана Ивановича превосходны, и доктора, Ивана Карловича, ожидала въ домѣ друга его каждый вечеръ въ положенный часъ готовая доска и кости

трикъ–трака, то онъ и старался, по врожденной уступчивости своей, находить мнѣніе Ивана Ивановича по крайней мѣрѣ замысловатымъ, остроумнымъ и правдоподобнымъ.

Іосифъ научился шутя двумъ языкамъ, Русскому и Нѣмецкому, выучился читать и писать, и Андрей Косолаповъ съѣлъ ситники свои и сухари не даромъ. Оська началъ съ псалтыря и часослова, и въ 12 лѣтъ читалъ уже бѣгло по верхамъ всякую церковную и гражданскую грамоту. За дра, тха, пха, тогдашняго времени, достался ему правда не одинъ толчекъ и любимое поощреніе учителя его: «олухъ, орѣховъ надаю, вотъ такъ и пойду стучать табакеркой по головѣ!» частенько приводилось въ дѣйствительное исполненіе; но Іосифъ былъ самъ увѣренъ, что Русская грамота безъ этого не дается никому, и что одну только Нѣмецкую можно преподавать, какъ дѣлала Анна Ивановна, на изюмахъ, миндаляхъ и пряникахъ; а потому и ни сколько не удивился, когда за выучку наукѣ класть на счеты — что по понятіямъ

Іосифа также принадлежало къ Русской грамотѣ — Косолапову прибавили еще пятокъ сухарей, а учитель набавилъ Оськѣ по стольку же лишнихъ долбушекъ въ голову, подъ особеннымъ названіемъ кокосовъ. Съ этихъ–то поръ кости на счетахъ и кокосы сблизились въ умѣ мальчика до такой степени, что онъ и подъ старость никогда не могъ взять въ руки эти приказныя гусли, не выговоривъ мысленно про себя: кокосы.

Наступило время разсужденія, чѣмъ быть Оськѣ и по какой дорогѣ его пустить. Ан. Ив. очень скорбѣла о томъ, что даровитый питомецъ ея былъ Русскаго исповѣданія, и потому никакъ не могъ воспользоваться основательнымъ поприщемъ или званіемъ, которое она, по связямъ своимъ, могла бы со временемъ ему доставить; а именно: званіе и мѣсто кистера или дьячка въ Нѣмецкой церкви. Голосъ, увѣряла Ан. Ив., былъ у горбунчика рѣзкій и вѣрный, и прихожанамъ было бы пріятно и легко слѣдовать за его напѣвомъ. Докторъ

совѣтовалъ отдать мальчика въ науку токарю, потому что всегдашнее движенiе и стоячая жизнь будутъ горбунчику полезны. Но токарь, также Иванъ Ивановичъ, кумъ или сватъ (gevatter) нашего булочника, отказался отъ горбунчика, потому что для него–де надо строить особый станокъ, а до станка, устроеннаго для людей обыкновенныхъ, онъ не достанетъ и носомъ. И такъ Оську отдали къ жестянику, на углу противъ Аничкина моста. Такимъ образомъ восхожденiе этаго солнышка продолжалось, и онъ все по немногу подвигался по Невскому проспекту выше и выше, и стучалъ, паялъ и заклепывалъ съ большимъ усердiемъ, хотя честный жестяникъ пророчилъ тезкѣ своему, булочнику Ивану Ивановичу, что Iосифъ во всю жизнь свою не сдѣлаетъ ни одного генiальнаго кофейника, потому что въ глубинѣ души этого Iосифа не таится тонкое чувство изящнаго, необходимое для всякой клепани и жестяной работы.

И точно, Гомеръ нашъ, Оська тожъ, въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ

простъ. Привѣсокъ хребтоваго мозгу, столь необходимый, по мнѣнію булочника, для пополненія недостатка мозгу головнаго, не далъ Іосифу той смышлености и остроты, которая не рѣдко бываетъ удѣломъ сутуловатыхъ и горбатыхъ. Іосифъ, Осипъ Ивановичъ тожъ, былъ мирный гражданинъ этого міра, чуждался всѣхъ отважныхъ соображеній и предпріятій, какъ напримѣръ: добѣжать по Фонтанкѣ до Гороховой, перейти безъ всякой нужды проспектъ, и пройтись по лѣвой аристократической сторонѣ его, и прочее — нѣтъ, Осипъ Ивановичъ, съ тѣхъ поръ, какъ нахальное дышло сбило однажды шляпу съ головы его, а огромный рыдванъ переѣхалъ и колесовалъ ее нещадно, съ тѣхъ поръ О. И. ходилъ исключительно по тротуару и бульвару, (котораго теперь впрочемъ давно уже нѣтъ), держался всегда правой руки, давалъ всякому встрѣчному дорогу, и никогда не пускался на дрожащую и стенающую подъ тяжестію колесъ мостовую. Если же какой нибудь неуклюжій лабазникъ, пролагая себѣ путь

грудью и плечами, наваливалъ изрѣдка всею тяжестію своего хлѣбнаго тѣла на Осипа Ивановича, то это было для него опасно только по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, когда его одѣвали въ Нѣмецкое суконное платье, которое, какъ извѣстно, пудры и муки не любитъ; по буднямъ же тиковый или нанковый халатъ сносилъ подобный ударъ судьбы безропотно, и О. И. вспоминалъ только съ ужасомъ, какъ бы затрещала бѣдная голова его и жалости достойный привѣсокъ, если бы наглая оглобля угодила по–ниже, и не лобазникъ, а тяжелая карета прошла бы поперегъ живота, т. е. сѣдалища и средоточія жизни его.

Нѣсколько разъ уже честный жестяникъ, Иванъ Ивановичъ, хотѣлъ обратить ученика своего въ первобытное его состояніе, къ булочнику Ивану Ивановичу, по недостатку, какъ онъ выражался, смѣлости и самоувѣренности въ размахѣ клепальнаго молотка. «Онъ только наклевываетъ латунь и жесть, говорилъ великій мужъ клепани, жестяникъ Иванъ

Ивановичъ, и никакъ не можетъ пріучиться дать ей вольнымъ ударомъ молотка ровный, естественный и пріятный для глазъ погибъ. Вы знаете, любезный кумъ, что кривая линія душа изящнаго; ломаная линія напротивъ обижаетъ глазъ; а у него вездѣ выходятъ углы, шишки и выбоины.» Названный отецъ Осипа угощалъ теску своего пивомъ и кренделями, и просилъ не терять надежду и терпѣніе, а сдѣлать изъ Оськи человѣка. Такъ прошло два года; Оськѣ скоро 15 лѣтъ, и жестяникъ, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе и состраданіе, ударилъ ученика своего неудачнымъ жестянымъ рукомойникомъ работы ученика, въ голову, пошелъ самъ объявить тескѣ своему и гефатеру о происшедшемъ, и просить положительно взять своего питомца и пустить его по другой, болѣе сподручной ему дорогѣ.

«Возмите его, Herr gevatter, говорилъ онъ запыхавшись, возмите: въ рукѣ его нѣтъ никакого сочувствія къ правильной кривой линіи, и всякая работа его обидна глазу честнаго человѣка. Скажу вамъ еще

болѣе: онъ даже при самой простой заклепкѣ не можетъ дать создаваемой подъ молоткомъ головкѣ гвоздя пріятную и необходимую округлость; нѣтъ, онъ плющитъ его все прямо въ темя и каждая работа его должна проходить снова сквозь мои руки. Это невыносимо! Знаете ли, любезный сватъ, онъ, этотъ Гомеръ то есть, долженъ быть изъ знати; я давно это подозрѣвалъ, и увѣряю васъ, что онъ никуда не годится. Вѣрьте, отецъ его какой нибудь огромный баринъ, до котораго нашему брату, честному человѣку, и шестомъ не достать, и теорія ваша о мозговомъ привѣскѣ на этомъ маломъ, на Оськѣ, не подтверждается. У него въ головѣ Богъ знаетъ что такое, что у порядочныхъ людей бываетъ совсѣмъ не въ этой благородной полости; а про горбъ его и говорить ничего; и Анна Ивановна права: это, должно быть, произошло только отъ ушиба.»

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ и взялъ питомца своего домой; но домъ этотъ, такъ какъ Иванъ Ивановичъ опять подвинулся

впередъ, стоялъ около того мѣста, гдѣ нынѣ Александрійскій театръ, а Аничковскій дворецъ былъ недавно выстроенъ, на засыпанномъ болотѣ и бывшемъ на этомъ мѣстѣ дугообразномъ озерѣ.

«Нечего дѣлать, сказалъ Иванъ Ивановичъ, подумавъ, женѣ своей, Аннѣ Ивановнѣ, пустить его по другой дорогѣ. Спрашивалъ я его, добивался, къ чему у него есть охота; не знаю, говоритъ, ни къ чему. Видно правду говорятъ, мой гефатеръ и таинственная записка: Іосифъ нашъ долженъ быть очень знатнаго роду.»

Еще повыше, на той же правой сторонѣ Невскаго, уже не далеко отъ Полицейскаго мосту, жилъ въ то время Князь Трухинъ–Солошкинъ. Иванъ Ивановичъ ставилъ къ нему въ домъ сухари, булки и крендели, и былъ коротко знакомъ съ дворецкимъ князя. Этимъ–то путемъ пристроили Гомера писцомъ въ домовую княжью контору, и горбунчикъ подвинулся еще саженъ на сто выше по Невскому проспекту. Чудная судьба этого человѣка! идти исполинскими шагами впередъ, пройти всю длину

Невскаго, до краеугольнаго дому одной стороны, и возвратиться велятъ по другой, не отшатнувшись никуда, ниже на полпяди всторону!

Осипъ Ивановичъ, въ княжескомъ домѣ не зазнавался: былъ по прежнему тихъ и смиренъ, изрѣдка только опаздывалъ къ дѣлу, зазѣвавшись, по всегдашней привычкѣ своей на улицѣ. Лѣтъ пятнадцать служилъ онъ въ домовой конторѣ Князя Трухина–Солошкина, въ послѣднiй день какъ въ первый, и не слыхалъ ни худаго слова, ни хорошаго. Въ половинѣ восьмаго часа онъ вставалъ, одѣвался, пилъ съ названными родителями свой чай и ѣлъ вволю отборные, румяные сухари; въ половинѣ девятаго бралъ онъ трость и шляпу, и отправлялся мѣрнымъ шагомъ вверхъ по проспекту, все по лѣвую сторону его, до княжескаго дому, до Полицейскаго мосту; молча входилъ онъ въ контору, молча принимался за переписку разныхъ бумагъ, счетовъ и писемъ, и молча кланялся, если старшiй конторщикъ или помощникъ его входили; ровно въ полдень

ставилъ перо въ большую круглую чернилицу синяго стекла, отправлялся домой, обѣдалъ, возвращался въ три часа и, смотря по надобности, сидѣлъ до шести, восьми или и позже; приходилъ домой, ужиналъ картофельный супъ и ложился спать. Онъ переписывалъ все, что ему наваливали на столъ, отъ слова до слова, отъ буквы до буквы, и никогда не ошибался; но если бы ему дать перебѣлить приговоръ на ссылку его самого въ каторжную работу, онъ бы набралъ и отпечаталъ его четкимъ перомъ своимъ съ тѣмъ же всегдашнимъ хладнокровіемъ, ушелъ бы домой и спокойно легъ бы почивать, не подозрѣвая даже, что ему угрожаетъ. Это былъ секретарь въ полномъ смыслѣ слова, потому что все, что онъ писалъ, оставалось даже для него самого ненарушимымъ секретомъ. Князь записалъ однако же писца своего на службу, по канцеляріи пажескаго корпуса, и Осипъ Ивановичъ, проходя ежедневно по нѣскольку разъ мимо Гостиннаго двора и Садовой, видѣлъ въ сотнѣ шаговъ отъ себя

зданіе, въ которомъ числился на службѣ, но ни разу не подходилъ къ нему ближе, чѣмъ вела обычная его дорога. Осипъ Ивановичъ все еще во всѣхъ походахъ своихъ, отъ Аничкова до Полицейскаго мосту, держался правой стороны, и держалъ правѣе при каждой встрѣчѣ съ прохожими; онъ все еще боялся каретъ, и близкій стукъ колесъ наводилъ на душу его какую–то робость; онъ все еще, впродолженіи 30 лѣтъ жизни, не одного разу не садился на дрожки, а и того менѣе въ коляску, не ѣзжалъ отроду на колесахъ; — на саняхъ же Осипъ Ивановичъ позволилъ себѣ прокатиться, изъ дому къ должности, впродолженіе 15–ти лѣтъ службы своей, не болѣе трехъ разъ. Онъ до того свыкся съ улицею родины, жительства и службы своей, что говорилъ, по разсказамъ и по наслышкѣ, о другихъ частяхъ города, какъ мы толкуемъ иногда о Новой Голландіи. Все, что лежало внѣ проспекта, Осипъ Ивановичъ называлъ заграничнымъ; и если ему случалось пройти зачѣмъ нибудь въ Гостинномъ дворѣ

нѣсколько лавокъ по зеркальной линіи, то онъ записывалъ и отмѣчалъ день этотъ словами: «былъ за границей, купилъ платокъ, подтяжки, и пр.» Впрочемъ и на это пускался Осипъ Ивановичъ очень рѣдко и только по самой необходимости; а большею частію самая даже попытка проникнуть за границу ему не удавалась. Такъ напримѣръ онъ рѣшился однажды итти за границу, шаговъ съ сотню по Фонтанкѣ отъ Аничкова моста, чтобы посмотрѣть на звѣря тюленя морскаго, котораго тамъ показывали на рыбной баркѣ; но не сдѣлалъ еще и 50 шаговъ, какъ зазѣвался, и водоносъ–дворникъ задѣлъ за него ведромъ или концомъ коромысла, выплеснувъ ему за воротникъ полведра воды, отбилъ и остудилъ всю любознательность его. Въ другой разъ онъ было рѣшился навѣстить пріятеля, въ Морской; но при самомъ поворотѣ въ улицу гласъ совѣсти его до того возмутился, что Гомеръ нашъ самъ испугался отваги своей, остановился, призадумался, зазѣвался на

этотъ заграничный край и, опомнившись, немедленно воротился.

При всемъ томъ однако же Осипъ Ивановичъ крайне любилъ разговаривать о заграничныхъ новостяхъ, т. е. о томъ что дѣлается у Обухова моста, на Острову, на Моховой; объ этомъ бесѣдовалъ онъ съ большимъ участіемъ и разспрашивалъ людей бывалыхъ, какъ тамъ живутъ? Онъ любопытствовалъ также узнать о цѣнахъ на различные припасы въ разныхъ частяхъ города, слушалъ съ завистію о дешевизнѣ на Сѣнной; самъ же не бывалъ и ногой даже на Кругломъ рынкѣ, и держался во всемъ мелочной лавочки № 1, бывшей въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ онъ самъ. Смерть названнаго отца его и отъѣздъ матери обратно на родину, въ Силезію, поставили было Іосифа на нѣсколько времени въ большое недоумѣніе; вскорѣ однако же онъ привыкъ къ новому положенію своему, которое въ сущности опять таки способствовало только къ производству его на высшее мѣсто: по совѣту и наставленію одного хорошаго пріятеля, онъ нанялъ

комнатку у портнаго, занимавшаго чердачекъ въ первомъ или второмъ домѣ отъ Дворцовой площади, чѣмъ и заключилъ, такъ сказать, первую половину прогулки своей по Невскому проспекту, прошедши въ 30 лѣтъ всю правую сторону его, отъ монастыря до Дворцовой площади.

Не пеняйте на эту скудную приключеніями, ничтожную первую половину жизни Осипа: такъ было, а мы взялись только передать то, что было; показать, въ какомъ тихомъ и безмятежномъ одиночествѣ иногда протекаетъ жизнь человѣка, среди шумной, трескучей и суетной столицы. Итакъ часть вторая: житье–бытье Осипа Ивановича во вторую половину жизни его, на пути отъ Дворцовой площади обратно до Невскаго монастыря, по лѣвой, аристократической сторонѣ проспекта.

«Что вы не жинитесь, Осипъ Ивановичъ?» сказалъ ему однажды задушевный пріятель его и сослуживецъ по Княжей конторѣ. «Чтобы вамъ жениться?»

Горбунчикъ улыбнулся, зарумянившись вздохнулъ, пожалъ плечами и увѣрялъ, что онъ бы и не прочь отъ этого дѣла, — да не легко его состряпать; гдѣ найдемъ невѣсту?

— На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, пособятъ! Пойдемъ, братъ, сегодня къ тёткѣ моей, посовѣтуемся. А ужь какую найдетъ тебѣ невѣсту!!

Пріятель, какъ видите, навязавшись въ близкіе повѣренные Іосифу, сталъ дружески говорить ему *ты*.

— Да кто же за меня пойдетъ?

— Какъ кто? всякая пойдетъ. Тутъ подошло, братъ, время голодное, жениховъ нѣтъ — ни золотника. 12 годъ переморилъ ихъ на голову, а тамъ всѣ за границу ушли; одни мальчишки да старики только и остались.

— Хорошо–съ, да тётка ваша пожалуй захочетъ высватать мнѣ заграничную. Я, братъ, этого боюсь.

— Какую заграничную, чудакъ ты! Вотъ напримѣръ дочь Семена Ивановича — а?

— Да Семенъ Ивановичъ гдѣ живетъ? Вѣдь онъ никакъ въ Фонарномъ переулкѣ?

— Ну такъ что жъ тебѣ до этого?

— Нѣтъ–съ, подумать страшно! Завяжется этакое заграничное свойство.... Я вѣдь къ нимъ туда не пойду ни зачто; а тутъ станутъ звать да просить....

И вотъ главнѣйшая причина, почему Осипъ Ивановичъ остался холостымъ. На Невскомъ проспектѣ невѣсты для него какъ–то не случилось; взять заграничную онъ боялся, робѣлъ, въ нерѣшимости время бѣжало своимъ чередомъ — и ушло. Завязалась было разъ у него любовишка и на проспектѣ, и крѣпко было показалась ему дѣвушка, и не сердилась она на недостатокъ или избытокъ Осипа Ивановича, не брезгала горбомъ его и отвѣчала, по видимому, нѣжной страсти, слушала охотно, когда онъ пѣлъ нѣжнымъ голосомъ своимъ: «жестокую Темиру» или «звукъ унылый фортопіано» и все шло, казалось, хорошо; — да портной Иванъ Ивановичъ перешелъ съ угла Литейной къ самому Пушечному двору, туда, за Аннинскую кирку, и Осипъ Ивановичъ принужденъ былъ проститься съ своею

возлюбленною на–вѣки. Тяжко и грустно ему бѣдному было, и ходилъ онъ съ недѣлю крѣпко повѣсивъ носъ; потомъ уже по маленьку провѣтрился и успокоился. Тянуться за нею туда онъ ни за что не рѣшался; сердце ныло, но остывало мгновенно, когда преступная мысль, искать счастья на Литейной, приходила ему въ голову.

Иногда пугала Осипа Ивановича — котораго между тѣмъ произвели уже въ Регистраторы — еще одна мысль: что, если его вдругъ потребуютъ на службу, въ канцелярію Пажескаго корпуса? Проходя по Невскому отъ Гостиннаго двора къ Библіотекѣ, поперегъ устья Садовой, горбунчикъ нашъ крестился тихомолкомъ при такой мысли. Это было бы довольно значительное отклоненіе отъ проспекта, отъ привычнаго и протореннаго пути — волосъ становился дыбомъ отъ такихъ ужасовъ, и Осипъ Ивановичъ вечеромъ долго не могъ уснуть; въ такихъ случаяхъ и горбъ не давалъ ему спать, и бѣднякъ ворочался съ

боку на бокъ до поздней ночи, часу до двѣнадцатаго.

Всѣ новѣйшія перемѣны и украшенія Невскаго проспекта совершались въ глазахъ Осипа Ивановича; онъ каждую недѣлю раза два проходилъ, гуляя, всю длину его и замѣчалъ все, что дѣлалось. Двукратная переверстка бульваровъ, постройка Александринскаго театра и Михайловскаго дворца, съ проложеніемъ новой улицы, въ особенности смущали Осипа Ивановича: онъ видѣлъ сперва одно только разрушеніе и съ безпокойствомъ спрашивалъ у работниковъ и мастеровыхъ: не весь ли проспектъ будутъ ломать, и не ошиблись ли они, не лучше ли обождать прибытія архитектора и разспросить хорошенько, точно ли все это пойдетъ въ ломку? Онъ иногда при этомъ постукивалъ тростью въ толстую каменную стѣну и говорилъ: «Кажется еще очень прочно и крѣпко, постояло бы еще безъ всякой опасности. А если, напримѣръ, сломаютъ весь Невскій проспектъ, куда я тогда дѣнусь, и что изъ меня будетъ?» Въ такія минуты отчаянья,

Пажескій корпусъ, иногда столько пугавшій Осипа Ивановича, былъ для него отрадною мыслію и надёжой–оплотомъ; должно быть корпусъ уцѣлѣетъ, а это все–таки улица близкая, сосѣдняя, знакомая. Предшествовавшее этимъ работамъ, сооруженіе дома Генеральнаго Штаба и свода въ малой Милліонной, также привлекало все любопытство Іосифа; онъ даже рѣшился однажды взглянуть на оконченное зданіе, пройти по малой Милліонной, въ вороты на самую площадь; но выглянувши изъ–подъ огромнаго, великолѣпнаго свода на одну изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ городскихъ площадей, онъ оробѣлъ: ему сдѣлалось какъ–то душно и страшно, имъ овладѣла тоска по родинѣ, сердце сжалось, и онъ поспѣшно отступилъ и воротился по малой Милліонной на проспектъ. Тутъ онъ перевелъ духъ и свободно оглянулся.

— Какъ же вы, О. И., живете 30 лѣтъ въ Питерѣ и не видали Невы, не видали ни одного ялбота, ни судна, за исключеніемъ барокъ на Мойкѣ и Фонтанкѣ? Взгляните

хоть на новый Исакіевскій мостъ, съ чугунными надолбами и фонарными столбами!

О. И. вздохнулъ и долго не рѣшался; нужно было напередъ доказать ему, что Исакіевская площадь, обще съ Адмиралтейскою и Дворцовою, составляютъ въ сущности продолженіе и принадлежность Невскаго проспекта, нужно было еще много убѣдительныхъ просьбъ и приглашеній, а потомъ, наконецъ — нужно было взять его вдвоемъ подъ руки и тащить за собою насильно. Поровнявшись съ памятникомъ Петра Великаго, О. И. остановился; изумленіе растянуло лице его въ длину и онъ невольно снялъ шляпу. Но едва погрузился онъ въ созерцательное забытье, то есть, по всегдашней привычкѣ своей зазѣвался, какъ карета четверкой, которая везла какого–то большаго барина, вѣроятно къ весьма поспѣшному обѣду, накатила на Іосифа со страшнымъ стукомъ и молніеобразною быстротою. Гомеру казалось, что онъ лежитъ уже подъ колесницей, и всѣми силами рукъ и ногъ

своихъ онъ упирался и противудѣйствовалъ всесокрушительнымъ ударамъ колесъ: тщетная борьба длилась одно только мгновеніе, и Іосифъ очнулся на жесткой мостовой, куда метнула его мощная рука пріятеля, спасая отъ потоптанія лошадьми и колесованія рыдваномъ. Съ нимъ–то, съ пріятелемъ своимъ, О. И. боролся усильно, обезумѣвъ въ испугѣ и принявъ спасительную десницу пріятеля своего за роковую спицу цѣпляющагося за него колеса. Этимъ могло бы окончиться на сей разъ все бѣдствіе Осипа Ивановича, если бы предупредительная судьба не пріуготовила ему еще другаго рода испытанія или наказанія, за дерзкое и своевольное уклоненіе отъ столбоваго пути жизни, отъ Невскаго проспекта. Въ то время не рѣдко случалось, что шалуны отвертывали позолоченные верхушки копей отъ ограды памятника; надзоръ за этимъ поручался сенатскому караулу; О. И., съ испугу отъ наѣхавшей кареты, ухватился за прутъ рѣшетки и вскочилъ на каменное основаніе ея; часовому показался издали

прыжокъ этотъ подозрительнымъ; онъ закричалъ ефрейтора, и бѣднаго Іосифа, ни съ того, ни съ сего, взяли–было на гауптвахту. Испугъ и страхъ его превосходилъ всякое описаніе. Къ счастію товарищи его, менѣе робкіе, не покинули бѣдняка въ этомъ отчаянномъ положеніи, и наконецъ выручили его убѣдительными представленіями и объясненіемъ дѣла. Разсудительный читатель безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій угадаетъ, что О. И., освободившись такимъ образомъ отъ грозившей ему двоякой опасности, поправилъ заплечный привѣсокъ свой и стремительнымъ шагомъ ударился обратно во своясы, не видавъ ни Невы, ни мосту, ни ялботовъ; что одно только воспоминаніе о памятникѣ Петра Великаго заставляло его, на улицѣ, снимать со страхомъ шляпу, а у себя въ домѣ оглядываться во всѣ стороны, не угрожаетъ ли опять откуда нибудь бѣдствіе и гибель.

Не удаляясь съ Невскаго, О. И. одаренъ былъ отъ природы необыкновенною способностію находить подъ руками все, въ

чемъ онъ нуждался. Дивные разсказы пріятелей о удобствахъ и дешевизнѣ на Щукиномъ и Апраксиномъ дворахъ прельщали его, но не обольщали; онъ умѣлъ отыскивать и на самомъ Невскомъ проспектѣ мастеровыхъ, которые одѣвали, обували и снаряжали его въ люди не дороже, если еще не дешевле Щукина двора. Онъ доходилъ до нихъ по особымъ связямъ и знакомствамъ, и отыскивалъ ихъ преимущественно между дворниками, подмастерьями и господскими людьми. Къ ремесленнику подъ вывѣской О. И. не заглядывалъ никогда.

Когда подошло замѣчательное время, о коемъ мы уже говорили — время памятное для всего Петербурга, для Россіи, для цѣлой Европы: 1812–й годъ, то О. И. также, какъ многіе другіе, опасался нашествія Французовъ на Питеръ, складывалъ и собиралъ въ кучку всѣ драгоцѣнности свои, все, съ чѣмъ онъ не хотѣлъ разстаться, и готовился, въ случаѣ крайности, искать спасенія въ Выборгѣ или Гельсинфорсѣ. Мысль эта, мысль покинуть

Невскій проспектъ и даже самый Питеръ, была для О. И. убійственна, схватывала его за горло какъ удушье; но таково было въ то время общее расположеніе умовъ, или вѣрнѣе и правильнѣе сказать — общаго чувства, что даже такому человѣку, каковъ былъ О. И. нашъ, не могло притти на умъ остаться спокойно въ столицѣ при нашествіи врага: бѣжать, отступать, покинувъ и здѣсь, какъ въ первопрестольномъ градѣ, однѣ стѣны и кровли, казалось всякому необходимостію, святымъ долгомъ. Никому и никогда на умъ не приходило, чтобы можно было — какъ дѣлали въ свое время почти всѣ столицы Европы — отдаться спокойно въ руки иноплеменнаго врага и считать его главою роднаго Царства. И О. И. судилъ и рядилъ съ другими, въ тѣсномъ, близорукомъ кругу своемъ, только о томъ, куда перенесетъ Царь столицу свою, гдѣ будетъ средоточіе Правительства, гдѣ присутственныя мѣста, и проч. Послѣднее тѣмъ болѣе озабочивало Гомера, что онъ служилъ теперь въ Губернскомъ Правленіи.

Долго онъ не рѣшался на сомнительную службу эту — сомнительную для него потому, что Правленіе было и тогда, какъ теперь, за угломъ Невскаго проспекта, на Адмиралтейской площади; Іосифу страшно было пуститься на такую заграничную службу, почти въ виду памятника Петру I–му и Сенатской гауптвахты; но спознавъ съ пріятелями своими во всей подробности мѣстоположеніе будущаго поприща своего, онъ крайне обрадовался, когда убѣдился на дѣлѣ, что оно составляетъ небольшое продолженіе Невскаго проспекта и слѣдовательно по всей справедливости можетъ быть причислено ко внутреннимъ Губерніямъ Имперіи. О. И. шелъ сначала отъ угла Невскаго съ оглядкой, посматривая, на сколько онъ удалился отъ родины своей; наконецъ, махнувъ рукой, согласился, и его приняли охотно, потому что онъ писалъ чистенько.

О. И. участвовалъ также душою и сердцемъ въ славѣ Русскаго мужества и доблести при возвращеніи гвардіи изъ–за границы: никто, конечно, не встрѣтилъ

гвардію нашу съ такимъ страхомъ удивленія и глубокаго, безпредѣльнаго уваженія, какъ О. И.: каждый солдатъ былъ въ глазахъ его богатырь баснословный и одно воспоминаніе о далекихъ, пройденныхъ имъ странахъ поселяло въ Гомерѣ нашемъ священный ужасъ изумленія. Онъ качался стоя на ногахъ, голова у него кружилась, когда онъ разсматривалъ этихъ сподвижниковъ славы.

Жизнь О. И. текла такъ мирно и тихо и однообразно, что онъ оглянуться не успѣлъ, какъ дожилъ и до наводненія 824–го года. Послѣ этаго страшнаго переворота, у него осталось отъ сильнаго душевнаго потрясенія по гробъ свой привычка вздыхать по временамъ тяжело и приговаривать, покачавъ головой, кстати или не кстати: «суета суетъ и всяческая суета, все тлѣнно, все бренно, нигдѣ и никогда жизнь наша не бываетъ въ безопасности, и умереть когда нибудь да надо.» Съ этого бѣдственнаго дня О. И. сталъ невольно и часто размышлять и разсуждать о смерти, о послѣднемъ часѣ

своемъ, и даже о свѣто–преставленіи. О. И. просидѣлъ во время наводненія преспокойно у себя, дома, въ комнаткѣ, которую нанималъ у ремесленника на заднемъ дворѣ, гдѣ платилъ со столомъ 35 р. въ мѣсяцъ; но страхъ былъ великъ. О. И. дѣлалъ разныя предположенія, когда вода покрывала весь дворъ, на цѣлую сажень — предположенія о томъ, что должно или можетъ послѣдовать, если Богъ попуститъ ей прибывать еще цѣлую недѣлю; онъ совѣтовался съ хозяиномъ своимъ, также не храбрымъ человѣкомъ, объ отступленіи свыше предѣловъ общаго ихъ владѣнія, за черту жилыхъ покоевъ, на чердакъ; хватался за подоконишники, за толстую каменную стѣну, пытался встряхнуть или понагнуть ее, чтобы, глядя въ окно на воду, убѣдиться, крѣпко ли на ногахъ стоитъ каменный домъ и не снесетъ ли его, чего добраго, водой? — Случай этотъ, наводненіе, былъ такъ новъ и неожиданъ для О. И., что онъ не могъ еще долго опомниться и образумиться, когда вода давно уже сбыла и весь Петербургъ

начиналъ уже вступать въ привычную колею своей обиходной жизни. О. И. съ безсознательнымъ страхомъ разспрашивалъ, какія же будутъ приняты впередъ, отъ подобныхъ неблагонамѣренныхъ покушеній морской стихіи, мѣры? Останется ли Питеръ на томъ же мѣстѣ, или, какъ уже значительная часть Невскаго проспекта неоднократно была сломана, то не вздумаютъ ли перенести Петербургъ въ Москву, которая, какъ слышно, лежитъ выше. И тутъ Іосифъ нашъ уже не боялся этого перемѣщенія, а старался поощрять къ тому будочниковъ и городовыхъ, задобривая ихъ въ пріятельской бесѣдѣ. О. И. полагалъ, что дѣло зависитъ частію отъ этого начальства; онъ не видѣлъ причины, почему бы наводненію не быть каждый день, коли уже опытъ доказалъ, что оно быть можетъ, и въ этомъ случаѣ не видѣлъ возможности оставаться и жить въ Петербургѣ, развѣ — прибавлялъ онъ — развѣ гдѣ нибудь на Литейной, куда вода, какъ слышно, не дошла; но вѣдь это уже не Петербургъ;

тамъ есть свои жители, а тутъ свои, все равно какъ живутъ люди и въ Царь–градѣ и въ Америкѣ. Въ день наводненія О. И. не былъ въ Губернскомъ Правленіи, хотя это былъ день не праздничный; въ теченіе слишкомъ двухъ десятковъ лѣтъ, одинъ только этотъ день О. И. не былъ у должности.

Такъ событія за событіями неслись мимо О. И., и не смотря на силу впечатлѣній своихъ, едва касались его краемъ полы, не производя въ единообразной жизни его никакого перевороту. О. И. только съ тѣхъ поръ, какъ утратилъ названныхъ родителей своихъ и сталъ жить вполнѣ на своихъ харчахъ, нашелъ, по изобрѣтательности несытаго желудка, нашелъ путь и способъ прибавить къ казеннымъ доходамъ еще небольшой доходецъ отъ рукъ своихъ, отъ рукодѣлья. Казенное содержаніе его никогда не простиралось далѣе сотенъ, и О. И. клалъ тысячи рублей только на счетахъ, но не видалъ ихъ никогда въ глаза, какія онѣ живутъ на свѣтѣ; по этому онъ, кромѣ того что велъ для забавы дневникъ,

собиралъ тщательно всѣ записочки на хорошую ваксу, чернила, на порошки выводить пятна, клоповъ и прочее, работалъ также надосугѣ разныя бумажныя клееныя издѣлія и сбывалъ ихъ съ рукъ — хоть дешево, да за наличныя деньги. Какъ только нужда прижметъ его, бывало, такъ онъ посидитъ одну ночь, наклеитъ пилюльныхъ коробочекъ сотни двѣ, снесетъ ихъ ранехонько въ аптеку у Аничкина моста — и красненькая въ карманѣ; а не то, состроитъ кухоньку съ очагомъ, плитой и Русскою печью, поставитъ кухарку, дворника–дровосѣка и дѣвку–чернавку, раскраситъ все это, покроетъ лакомъ, яичнымъ бѣлкомъ, проведетъ прехитро отъ рукъ и ногъ проволоки къ рычагу, который движется, позади кухни, снесетъ въ игрушечныя лавки или магазины и получитъ цѣлковый, или ужь на худой конецъ полтинникъ за одну такую штуку. На аптеку у Аничкина моста и на одну игрушечную лавку онъ работалъ постоянно, и находилъ время и средства заработывать

по крайней мѣрѣ столько же, сколько онъ получалъ жалованья.

Приближаемся къ самому достопамятному событію въ жизни О. И–ча: ему случилось быть на Петербургской сторонѣ, разъ въ жизни случилось быть за границей, даже по ту сторону Невы — но его свезли туда ночью и ночью опять привезли обратно; онъ ничего не видалъ и говорилъ объ этомъ событіи, какъ о приключеніи изъ «тысячи одной ночи». Но пусть нашъ О. И. самъ разскажетъ случай этотъ подробно и обстоятельно; мы уже говорили, что герой нашъ велъ дневникъ, записывалъ постоянно все, что только разнообразило тихомирную жизнь его — выпишемъ нѣсколько страничекъ изъ дневника этого, чтобы познакомиться ближе съ замѣчательнымъ пріемышемъ булочника Ивана Ивановича и Анны Ивановны....

7–го *Генваря*. Слякоть страшная, коею застигнутъ, принужденъ вооружиться колошами и зонтикомъ. Конечно, жаль колошъ, но и сапоги поберегать надобно.

Подклеилъ одну пару, для сухаго времени — ничего не замѣтно. Перевязалъ на зонтикѣ одинъ прутъ проволокой, желѣзной, — сталъ отчего–то колоться. Въ Правленіи сказали, что приказано впередъ держать въ каждой части катера или ялботы, для спасенія жителей въ случаѣ (чего Боже упаси) — наводненія. Конечно такъ; да много ли усядется по нечаянности на одинъ ялботъ? а остальнымъ куда дѣваться — тонуть? Всякій порядокъ требуетъ устройства. Очень опасно жить въ Петербургѣ. Суета суетъ и всяческая суета; когда нибудь умереть надо. Да, этого нельзя миновать. Эту истину я слышалъ отъ одного пьянаго, котораго городовой везъ на дрожкахъ; мужикъ лежалъ навзничь поперегъ дрожекъ, глядѣлъ на небо и указавъ туда же пальцемъ, сказалъ съ чувствомъ: «служивый — а служивый! вѣдь всѣ тамъ будемъ!!» И правда.

8–го *Генваря*. Праздникъ; не былъ въ Правленіи: клеилъ коробочки. Не забыть бы выпросить завтра у архиваріуса черновой бумаги, вся вышла. Сварилъ

сандалу на цвѣтную бумагу. Сегодня морозъ и колоть: стукъ отъ каретъ страшный. Все думается, не скачутъ ли пожарные. Конечно, вода въ столицѣ нашей очень опасна; но страшенъ, какъ подумаешь хорошенько, и огонь; а упаси Боже сверху огонь, а снизу вода.... да, когда нибудь смерти не миновать.

9–го *Генваря*. Завалили перепиской, до четвертаго часу не вставалъ со стула, даже, съ позволенія сказать, потъ прошибъ, и носу утереть некогда было. Что дѣлать, надо служить. Козьма Ивановичь ошибся въ чемъ–то, совралъ, да такъ и подалъ Терентію Семеновичу; а Терентій Семеновичъ и спросили: «развѣ вы по Русски не знаете, не понимаете что пишете? какже можно нагородить такую безсмыслицу?» Терентію Семеновичу хорошо такъ отважно разсуждать: его перебѣлять не заставляютъ; онъ уже за сочинительскимъ столомъ сидитъ, такъ ему, конечно, ужъ приходится понимать что пишетъ; а нашему брату развѣ есть когда заниматься пустяками, любопытствовать и

разбирать бумаги, что написано? Этакъ за разборомъ и ничего не напишешь. Столько лѣтъ служа въ этомъ званіи, да если у кого достанетъ смѣлости день–деньской съ утра до ночи входить въ такія подробности и обременять память свою, можно съ ума сойти. Только надобно, конечно, разбирать повѣрнѣе глазами и писать, рукѣ воли не давать, что написано, а не что въ голову придетъ. — Получилъ отъ Егора Степановича отличный рецептъ на зеленыя чернила и загадочку: запишу.

Зеленыя чернила. **Взять яри мѣдянки и виннаго камню на вѣсъ по ровну, истолочь мелко, положить въ поливанную или стеклянную посудку, налить уксусу ренскаго вѣсомъ столько же какъ и яри, грѣть по немногу дня два–три или болѣе, встряхивая; когда образуется сверху пріятнаго цвѣту зеленая жидкость, слить ее и подбавить камеди аравійской.**

Загадка. **Что выше лошади, а ниже собаки? Отвѣтъ: сѣдло; оное выше лошади, когда лежитъ на ней, а ниже собаки, буде лежитъ на землѣ.**

Завтра непремѣнно постараюсь сочинить загадку: это пріятная забава; и загадаю Егору Степановичу.

11–го *Генваря.* Все морозъ; и вчера то же былъ морозъ; въ Правленіи ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что сторожъ Яковъ пришелъ хмѣльной и хотѣлъ повѣсить шинель совѣтника, да задѣлъ обшлагомъ за гвоздь вѣшалки и, такъ сказать, самъ себя повѣсилъ, не могъ никакъ распутать обшлага и стоялъ воздѣвъ руки кверху, сопѣлъ и покачивался, такъ, что всѣ сошлись въ переднюю смотрѣть на него и много смѣялись. Орефій Ивановичъ приказали однако же Степану распутать его, снять съ гвоздя и положить спать на лавку въ служительской: дураку Якову показалось съ пьяныхъ глазъ, что Степанъ держитъ руку его, и онъ, размахнувшись другою, ударилъ его въ затылокъ. Однако же его сняли съ вѣшалки и увели. Велѣно завтра высѣчь.

Вчера я не записалъ ничего; аптекарь просилъ поторопиться принести коробочекъ пилюльныхъ подъ золотой бумагой; она

40 к. листъ, а выходитъ всего только 48 кружковъ — 6 по листу, да 8 поперегъ; а лапшу эту, обрѣзки, почти некуда дѣвать, не выкроишь ничего. Напрасно, что за щегольство?

Загадки я однакожъ не сложилъ; хотѣлъ было загадать веретено, да не приберешь какъ его тамъ замаскировать. Простая вещь, а вѣдь тоже надобно взяться за нее по привычкѣ.

12 *Генваря*. Рѣшился не брать вовсе сухарей, ни въ лавочкѣ, ни у булочника; прошло золотое время, когда дома ѣлъ ихъ на выборъ вволю. О добрые родители мои! нѣтъ васъ. Буду брать вѣсовой бѣлый хлѣбъ, по 11 к. фунтъ.

14 *Генваря*. Вчера приключеніе было необыкновенное, даже перебой подъ сердцемъ еще чувствую и давитъ подъ ложечкой. Господи Боже мой, какъ тяжело на свѣтѣ жить, а вѣдь народишься же волею Создателя! И какіе есть люди, на подобіе звѣрей хищныхъ, не помышляющіе о погибели собратій своихъ! 13 Генваря для меня черный день; справился по дневнику

моему, и сряду три года въ этотъ день сокрушаетъ меня бѣдствіе. Третьяго году собака изорвала шинель — это такъ и записано — прошлаго году ночью, по темнотѣ, глотнулъ ошибочно изъ бутылки чернилъ, вмѣсто кислыхъ щей, и прескверныхъ, видно съ купоросомъ. Ныньче — даже страшно и непріятно писать, что случилось; однако же написать, для порядку, должно; буду казниться глядя на такія страсти; да, не миновать намъ смерти никому.

Зашелъ я вечеромъ къ Егору Ѳедоровичу, — давно уже просилъ и даже приглашалъ. Было темно, какъ обыкновенно, уже съ пятаго часу; но Егоръ Ѳедоровичъ нынѣ житель не заграничный, хоть и не близко отъ насъ: подъ Каретнымъ рядомъ. Тамъ провели время пріятно, все больше на гитарѣ играли и пѣли разныя пѣсни, на хорошіе голоса. Такъ какъ общество было только холостое, то меня и просили спѣть чувствительную пѣсню: «чѣмъ я тебя огорчила»: не успѣлъ я покончить всѣхъ куплетовъ, какъ вошли къ

Егору Ѳедоровичу два актера, изъ подставныхъ, однакожъ очень, какъ говорилъ Е. Ѳ., извѣстные и старые пріятели его, и звали съ собою прокатиться, такъ какъ они ѣхали въ казенномъ возкѣ по домамъ, а напередъ хотѣли еще покататься съ пріятелемъ. Хорошо, говоритъ Е. Ѳ. вотъ и кстати, и завеземъ Осипа Ивановича домой: онъ живетъ у Полицейскаго мосту; и представилъ меня господамъ актерамъ, и мы, какъ слѣдуетъ, вѣжливо раскланялись и сказали, какъ обыкновенно, что рады имѣть честь познакомиться лично. Я было не рѣшался ѣхать съ ними, но Е. Ѳ. меня убѣдилъ и обѣщалъ прямо подвезти къ Полицейскому мосту. Входимъ въ возокъ, т. е. въ карету, а тамъ сидитъ человѣкъ шесть, и какія–то женщины, или можетъ быть дамы; и какъ старые знакомые всѣ эти господа и госпожи съ большимъ хохотомъ приняли Е. Ѳ. и онъ самъ сталъ кричать съ ними, шумѣть и шутить и смѣяться; закричали: пошелъ; и подняли такую возню въ возкѣ, что меня въ потьмахъ совсѣмъ и забыли, и забыли сказать, чтобы

остановиться у Полицейскаго моста; а я сижу спокойно, прижавшись въ уголъ, и жду все, скоро ли пріѣдетъ. Между тѣмъ оказалось, что нѣкоторые изъ господъ актеровъ были подгулявши, и послѣ радостей и смѣховъ у нихъ вышла какая–то общая ссора и драка, и подняли такой содомъ, что я бы радъ былъ въ окно выскочить — но боялся сломить шею; лошади бѣгутъ, а я, какъ человѣкъ къ ѣздѣ непривычный, боялся убиться. Двери же были только, однѣ, да и тѣ съ задняго крыльца, куда мнѣ и не было возможности пробраться. Такимъ образомъ вышла у нихъ ссора и о томъ, куда ѣхать напередъ; тотъ кричитъ туда, тотъ туда, тотъ зоветъ всѣхъ вмѣстѣ на край свѣта, и одинъ какой–то наконецъ таки осилилъ и перекричалъ всѣхъ, и велѣлъ ѣхать — куда бы вы думали? на Петербургскую сторону! Я все сидѣлъ въ страхѣ и молчалъ, между тѣмъ какъ всѣ они кричали въ запуски, и дамы и кавалеры! Но когда рѣшено было ѣхать въ такую заграничную сторону, то сердце мое замерло, я присоединился къ

недовольнымъ и сталъ просить убѣдительно, высадить по крайности меня у Полицейскаго мосту, или выпустить тутъ же; просилъ, молилъ — никто меня и не слышитъ, не слушаетъ, не отвѣчаетъ; всякій кричитъ свое и всѣ горячатся, а меня и не слушаютъ. Наконецъ сосѣдъ мой, который сперва спорилъ и потомъ замолчалъ, и завалился сложивъ руки въ самый задъ кареты, толкнувъ меня очень невѣжливо локтемъ, сказалъ: «Сидите вы, тутъ и безъ васъ тошно! какой Полицейскій мостъ, когда мы уже въѣзжаемъ на Воскресенскій.» Я ужаснулся и едва не обомлѣлъ; глухой стукъ и гулъ по деревянному мосту точно раздавался уже отъ нашей кареты и другихъ экипажей; къ счастью было очень темно, я не видалъ ни моста, ни воды, а жмурился въ ужасѣ, когда свѣтъ фонаря падалъ въ окно кареты. Я замолкъ и горько себѣ заплакалъ. Наконецъ подъѣхали къ какому–то низенькому дому, вышли всѣ, съ тѣмъ же крикомъ и шумомъ. Я не успѣлъ оглянуться, куда они всѣ дѣвались, и Е. Ѳ.

также, Богъ ему прости кровную обиду эту! — а меня покинули. О, страшно одному на чужбинѣ, и еще въ темную ночь!... Кучеръ также былъ очень не доволенъ этой поѣздкой, кричалъ и бранился съ господами актерами, которые выскочили и ушли не затворивъ дверецъ возка; тогда кучеръ слѣзъ съ козелъ и обошелъ кругомъ — потому что дверцы эти отворялись тамъ, гдѣ у другихъ каретъ бываютъ запятки — и увидалъ меня въ возкѣ и видно призналъ за чужаго; онъ сталъ гнать меня вонъ немилосердо, не хотѣлъ и слышать увѣреній моихъ, что меня обѣщали подвезти къ Полицейскому мосту. «Наймите, говоритъ, себѣ извощика.» Страшная это была для меня минута! Одинъ на бѣломъ свѣтѣ, на чужой далекой сторонѣ; всѣ откинулись отъ меня, и даже кучеръ гонитъ, хочетъ покинуть на гибель! Я обѣщалъ ему полтинникъ, который вчера получилъ отъ аптекаря: къ счастію, со мной больше денегъ не было, я бы ему отдалъ всѣ; онъ умилосердился и привезъ меня домой. О, какъ я горячо молился,

кинувшись на колѣни, когда пришелъ въ родную комнатку свою, со слезами и со вздохами! Я былъ очень болѣнъ и насилу потащился сегодня въ Правленіе; отъ жестокой качки въ возкѣ меня тошнило; отъ крику и шуму голова кружилась, а со страху помутило на душѣ и потемнѣло въ глазахъ. Нѣтъ, клятву далъ, ни за какія блага не поддаваться впередъ убѣжденію людей, для коихъ жизнь человѣка ни по чемъ. Мужикъ сказалъ правду: всѣ тамъ будемъ и смерти не миновать; но противно Божескому промыслу итти на гибель добровольно, или по неблагонамѣренности другихъ. Вотъ какія непредвидимыя опасности грозятъ человѣку, кромѣ огня и воды, и какъ надобно остерегаться людей! Нѣтъ, никто не минуетъ участи своей и всѣмъ намъ умереть должно. На что же человѣкъ родится?

***Не забыть*: узнать завтра въ Правленіи у кого нибудь, какой такой есть Иванъ–чай, дешевый и съ хорошимъ настоемъ, и гдѣ его можно получить? *Во вторыхъ*: какой органъ явился у Палкина въ трактирѣ,**

играетъ разныя штучки, говорятъ; и можно ли его послушать даромъ?

Кончимъ на первый случай этимъ выписку изъ дневника Осипа Ивановича и скажемъ только, что весь дневникъ его былъ похожъ на приложенный образецъ, только что приключенiй подобныхъ 13 Генваря не было и нѣтъ у него; это случай необычайный и самый необыкновенный во всю жизнь Осипа Ивановича. Ненависть его къ возкамъ и каретамъ возрасла съ этого времени до высшей степени, и никакое убѣжденiе, никакiе доводы и причины не могли его понудить, во всѣ остальныя два десятка лѣтъ жизни, поставить ногу на приступокъ какого нибудь экипажа.

Восхожденiе Осипа Ивановича по правой сторонѣ Невскаго проспекта представляетъ намъ восходъ свѣтила — ростъ и мужалость нашего героя; тутъ слѣдуетъ, по общимъ законамъ природы, временное стоянiе на одной и той же точкѣ; и наконецъ нисхожденiе по лѣвой сторонѣ

того же пространства, закатъ. Дни его клонятся исподволь къ концу, любимой истинѣ его должно сбыться, и хмѣльной мудрецъ, лежавшій навзничь поперегъ дрожекъ, сказалъ большую истину.

Судьба заставляла Осипа Ивановича перемѣнять виталище свое нѣсколько разъ; и перешедши однажды на лѣвую сторону проспекта, подвигаться исподволь дальше и дальше. Жизнь его оставалась таже; но онъ по службѣ перешелъ въ Думу, и по этому поводу отыскалъ себѣ комнатку на углу Караванной. Здѣсь пришла ему было опять охота жениться и пожить семьяниномъ, но судьба явно противуборствовала этому счастью и подсылала ему невѣстъ — несподручныхъ. Іосифъ и самъ испугался, когда его привели было на *смотрины* въ сосѣдній цвѣточный магазинъ, гдѣ работала какая–то дѣвица, согласившаяся напередъ и за глаза на союзъ сердецъ съ горбатымъ и немолодымъ чиновникомъ. «Какая она мнѣ ровня» сказалъ вздохнувши Іосифъ; и не смотря на всѣ убѣжденія услужливыхъ людей, у него достало таки ума рѣшительно

отъ этого союза отказаться. Онъ справлялся даже и въ аптекѣ, куда столько лѣтъ ставилъ коробочки, нѣтъ ли гдѣ поблизости необходимой для него половины, но всѣ исканія и старанія его остались безъ–успѣшны; его только раза два одурачили, и этимъ вовсе отбили охоту пускаться на такіе сомнительные поиски.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ — и судьба привела Осипу Ивановичу служить въ канцеляріи Педагогическаго Института, за Аничковымъ мостомъ, на лѣвой сторонѣ. Не думайте, чтобы онъ былъ сдѣланъ правителемъ канцеляріи — нѣтъ, волосъ на головѣ его давно уже перещеголялъ, серебристымъ отливомъ своимъ, самый дорогой боберъ, Іосифъ восходилъ также мало по малу лѣствицу чиновъ, и былъ уже Титулярнымъ, но занятія его оставались все однѣ и тѣже, и за сочинительскимъ столомъ ему сидѣть не удавалось. Опытная, привычная рука чертила условные знаки, какъ деревянный телеграфъ шевелитъ безсознательно руками и ногами; онъ передаетъ тѣмъ, у кого есть ключь этой

грамоты, все что угодно; а самъ ни чего не знаетъ, не вѣдаетъ.

Въ этой нравственной и умственной непорочности засталъ Осипа Ивановича 56 годъ жизни его, считая по именинамъ, потому что дня рожденія его никто не зналъ. 4 Апрѣля — это, какъ вы знаете, въ Питерѣ весна, гдѣ все такъ свѣжо и дѣвственно, все благоухаетъ, наросшій по улицамъ въ теченіе полугода наземъ распускается, киснетъ и катитъ незатѣйливыя волны свои, подъ метлами дворниковъ, по великолѣпнымъ улицамъ столицы; когда небо бываетъ подернуто мечтательною пеленою, ниспосылающею раза по три въ день благодать свою на землю нашу въ крупныхъ и мелкихъ капляхъ; когда птички такъ радостно поютъ на Щукиномъ дворѣ и свѣжая зелень — въ зеленныхъ лавкахъ и на кусочкахъ дерну, привозимыхъ въ продажу для плѣнныхъ въ столицѣ жаворонковъ — услаждаетъ зрѣніе и обоняніе наше; и такъ 4 Апрѣля Осипъ Ивановичъ отпраздновалъ свои именины, и въ этотъ день, не смотря на всеобщую

веселость пяти или шести собесѣдниковъ, вздыхалъ чаще прежняго, говорилъ о суетности мірской, о наводненіяхъ, пожарахъ, и наконецъ о естественной смерти человѣка, которой нельзя миновать. Мудрецъ, лежащій поперегъ дрожекъ съ разметанной по вѣтру бородой, какъ пишутъ Короля Лира — пришелъ опять на память нашему Гомеру, и слова: «Всѣ тамъ будемъ» — звучали въ ушахъ его, какъ великая, глубокая истина. Осипъ Ивановичъ разчувствовался, простился около полуночи трогательно съ товарищами своими, объявилъ имъ, что они вѣроятно въ послѣдній разъ отпраздновали съ нимъ этотъ замѣчательный день — потомъ усердно и со слезами помолился и легъ спать.

Давненько уже Осипъ Ивановичъ началъ хилѣть и до времени одряхлѣлъ. Одышка его брала все чаще и чаще, грудь залегала, и пилюли пріятеля его, аптекаря, очищая порядочно желудокъ, не приносили груди никакой помощи. Осипъ Ивановичъ разсудилъ весьма основательно, что это

иначе и быть не могло; всякое снадобье идетъ въ желудокъ, спровадить его въ легкія нельзя, какую же тамъ отъ него ожидать помощь?

Прошло недѣли три, и Осипъ Ивановичъ сталъ ходить въ канцелярію рѣже, чего съ нимъ никогда до селѣ не случалось — а вскорѣ стулъ его оставался и вовсе не занятымъ. Привычка слышать ежедневно о комъ нибудь изъ знакомыхъ нашихъ, что онъ нездоровъ, была причиною тому, что на бѣднаго больнаго нашего обратили вниманіе — когда онъ лежалъ уже безъ памяти. Утромъ въ первыхъ числахъ Мая, дворникъ, прислуживавшій Осипу Ивановичу, прибѣжалъ сказать сослуживцамъ его, что онъ скончался.

Вѣсть эту, какъ обыкновенно, встрѣтили недовѣрчивымъ: неужели?! но пришедши на мѣсто происшествія, по неволѣ убѣдились въ смерти Осипа Ивановича. На столѣ лежала духовная, которая заключалась только въ томъ, что Осипъ Ивановичъ скопилъ до пяти тысячь рублей, отдалъ ихъ

за живо въ Невскій монастырь и пріобрѣлъ себѣ за нихъ тамъ мѣсто для погребенія.

По этому нечаянному случаю, по поводу смерти Осипа Ивановича, онъ не могъ уже довершить остальную часть своего поприща на своихъ ногахъ: его отвезли, предназначеннымъ ему путемъ нисхожденія на кладбище Александро–Невской лавры, гдѣ и можете видѣть по нынѣ, весьма скромный, несообразный съ дороговизною самой могилы, памятникъ его.

Памятникъ этотъ не посѣщается никѣмъ; случай натолкнулъ меня на него и заставилъ разспросить и разузнать о жизни Осипа Ивановича. Кто его отецъ, мать? гдѣ братья, сестры, родные? Нищета ли принесла его на порогъ Анны Ивановны, или развратъ и преступленіе? Всего этого ни въ дневникѣ, ни на памятникѣ Осипа Ивановича не написано, тайна ни кѣмъ не разоблачалась. Она умерла вмѣстѣ съ нашимъ героемъ.